

© А.С. Басов, А.С. Бородулина, П.Б. Жураковская, С.О. Ковальский, П.С. Куприянов, Г.Н. Малышев, А.А. Мартыненко, В.С. Михайлова, М.А. Мочалова, Н.А. Савина, Е.С. Садова, М.А. Сакирко, И.А. Сапогов

(Не)идеальный антрополог в прикладном исследовании: материалы дискуссии

Басов Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. E-mail: a.basov@iea.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3518-1852>

Бородулина Алевтина Сергеевна – консультант в компании “Акварин Проджекте”, социальный антрополог, независимый куратор. E-mail: alevtina.ethno@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5349-2940>

Жураковская Полина Борисовна – куратор, старший научный сотрудник Музея Москвы. E-mail: P.zhurakovskaya@mosmuseum.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4949-6385>

Ковальский Святослав Олегович – младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8967-2644>

Куприянов Павел Сергеевич – к. ист. н., старший научный сотрудник Центра визуальной антропологии ИЭА РАН. E-mail: kuprianov-ps@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159>

Малышев Гавриил Николаевич – аспирант факультета Антропологии Европейского Университета в Санкт-Петербурге. E-mail: g.malyshev@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8808-9938>

Мартыненко Александра Александровна – младший научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН. E-mail: amartynenko@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8561-3006>

Михайлова Виктория Сергеевна – аспирант ИЭА РАН. E-mail: mikhailova.vikt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5634-0480>

Мочалова Мария Алексеевна – младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. E-mail: Masha.mochalova@iea.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2702-737X>

Савина Наталья Алексеевна – магистр антропологии и этнологии, младший научный сотрудник Школы искусств и культурного наследия Европейского университета в Санкт-Петербурге. E-mail: nsavina@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7517-8899>

Садова Екатерина Сергеевна – магистр социологии (Университет Париж-Сакле); магистр истории (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), независимый исследователь. E-mail: sadovacath@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6511-6053>

Сакирко Мария Алексеевна – PhD по социальной антропологии, старший научный сотрудник Музея Москвы. E-mail: mariasakirko@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-0189-6729>

Сапогов Иван Андреевич – бакалавр антропологии и этнологии, независимый исследователь. E-mail: sapogovivan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9953-3303>

Для цитирования: Басов А.С., Бородулина А.С., Жураковская П.Б., Ковалевский С.О., Куприянов П.С., Малышев Г.Н., Мартыненко А.А., Михайлова В.С., Мочалова М.А., Савина Н.А., Садова Е.С., Сакирко М.А., Сапогов И.А. (Не)идеальный антрополог в прикладном исследовании: материалы дискуссии // Антропология/Anthropologies. 2026. No 1. С. 72–100, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/72-100>

Ключевые слова: прикладная антропология, профессиональная идентичность, методы антропологического исследования, этика полевого исследования, социальная ответственность антрополога, экспертность.

Публикация содержит материалы дискуссии, состоявшейся на секции «(Не)идеальный антрополог в прикладных исследованиях: дилеммы, ожидания и ответственность» Конференции молодых ученых (3–5 декабря, ИЭА РАН, Москва). Участники секции обсуждают вопросы, связанные с профессиональной идентичностью антрополога в прикладных исследованиях, часто вынуждающих исследователя балансировать между конфликтующими этическими обязательствами, методологическими стандартами и прагматическими ограничениями. Дискуссия демонстрирует разнообразие и сложность прикладной сферы в современной российской антропологии, отсутствие консенсуса по обсуждаемым вопросам, а также выявляет наиболее проблемные точки заявленной темы. Публикуемые материалы сопровождаются введением и заключением организаторов секции, в которых описывается контекст и подводятся итоги состоявшегося обсуждения.

П. Куприянов, В. Михайлова, М. Мочалова

Введение

Идея этой публикации возникла из ощущения, которое, как нам показалось, знакомо многим, кто работает на пересечении академических и прикладных исследований. В профессиональном сообществе существует критика прикладной работы как пространства компромиссов — места, где исследователи вынуждены отступать от академических стандартов, подстраивать свою оптику под запрос заказчика, искать решения, которые не всегда согласуются с принятыми в научном сообществе представлениями об исследовательской этике. При этом площадок, где можно было бы открыто обсудить этот опыт — не в формате критики извне, а как рефлексию изнутри самой практики, — недостаточно. Стандартный формат конференции для этого не подходит: он скорее предполагает представление результатов, нежели совместную рефлексию над противоречиями процесса. Приватные разговоры, конечно, ведутся, но чаще так и остаются приватными. Так родилась идея организовать серию круглых столов, где исследователи смогли бы вместе осмыслить свой опыт прикладной работы.

Ключевым для нас стал образ «(не)идеального антрополога». За этим словосочетанием — реальное напряжение, которое испытывает большинство тех, кто работает в прикладных контекстах. Академическая подготовка формирует определенные представления о том, каким должно быть исследование: длительное поле, рефлексивность, независимость позиции, ответственность перед сообществом.

Прикладные проекты предполагают иные условия: заказчик с конкретным запросом, сжатые сроки, смешанные команды и необходимость переводить выводы в форматы, далекие от академических. И именно здесь возникают компромиссы — как методологические, так и этические, и профессиональные.

При этом речь идет не о единичных исключениях из правила, а скорее наоборот: большинство выпускников антропологических и этнологических программ работает именно в таких условиях — в корпорациях, музеях, НКО и урбанистических проектах, то есть за пределами академии, где классические этические кодексы зачастую просто не предусматривают тех дилемм, с которыми приходится сталкиваться.

Вопрос, который нас интересовал, состоял не в том, как избежать этих компромиссов, а в том, как их осмыслить. Как найти в разном опыте общие закономерности и понять, что именно в условиях прикладной работы порождает то напряжение, которое мы и обозначили фигурой «(не)идеального антрополога».

Нашей задачей было подготовить условия, при которых такой разговор мог бы стать реальным и продуктивным. Из этого родилась конкретная механика — проведение секции смешанного формата, объединяющего доклады и обсуждение в рамках круглых столов. Участники рассказывали о своем опыте на материале конкретных кейсов в формате короткого доклада, а затем на круглом столе отвечали на вопросы, подготовленные нами как модераторами. Секция «(Не)идеальный антрополог в прикладных исследованиях: дилеммы, ожидания и ответственность» прошла 4 декабря 2025 года в ИЭА РАН в рамках конференции молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии».

Всего в секции прозвучало пятнадцать докладов, которые на основе присланных заявок были объединены в три тематических подсекции. Первая была посвящена отношениям с заказчиком — тому, как его присутствие меняет исследовательскую оптику и профессиональную позицию. Вторая сосредоточилась на методологических адаптациях и этических дилеммах, возникающих непосредственно в поле. Третья обратилась к более широким институциональным рамкам прикладной работы — срокам, междисциплинарным командам, грантовым форматам и тому, как все это трансформирует исследовательскую практику.

Вопросы для круглых столов формулировались на основе тематики докладов каждой подсекции — и это оказалось отдельной нетривиальной задачей. Формулировки этих вопросов, безусловно, исходили из нашего собственного опыта прикладных исследований, из тех противоречий, с которыми мы сталкивались в своей работе.

Забегая вперед, стоит сказать, что уже в ходе самих дискуссий эти формулировки подвергались уточнениям и критике, что, на наш взгляд, еще раз подтверждает необходимость подобных мероприятий: они создают пространство для того, чтобы договариваться о понятиях и осмыслить опыт.

В итоге каждый круглый стол строился вокруг трех вопросов — двух общих для всех подсекций и одного специального для данного тематического блока.

Данная публикация является следующим этапом нашей работы по коллективной рефлексии прикладного опыта. Мы отобрали фрагменты дискуссий,

в которых разговор выходил за пределы конкретных кейсов — к более общим суждениям о природе прикладной работы и об условиях производства антропологического знания. Наша цель — не подвести итог, а продолжить разговор и пригласить к нему более широкий круг коллег.

Подготовка материала к публикации стала для нас отдельной интеллектуальной работой. Расшифрованные записи трех круглых столов представляли собой плотный массив живой речи — с повторами, оговорками, отсылками к репликам, прозвучавшим часом раньше или на предыдущем круглом столе, а порой и к разговорам, которые велись уже за пределами секции. Соотносить эти пласты внутри одной публикации, на которую читатель смотрит как на самостоятельный текст, оказалось непростой задачей.

Первой ощутимой сложностью стал сам перевод живой речи в письменную. Реплики, произнесенные в свободной дискуссии, нередко строились по логике, отличной от логики письменного высказывания: мысль уточнялась по ходу ее формулирования, тезис мог быть собран только к концу длинной фразы, а часть смысла удерживалась интонацией, паузой и реакцией коллег. Часть реплик публикуется в авторской редакции и частично отличается от того, как они прозвучали изначально.

Здесь же стоит оговорить еще одно обстоятельство, делающее наш текст гибридным жанром — не вполне стенограммой и не вполне эссе. Между моментом произнесения реплики на круглом столе и моментом ее авторской редакции прошло значительное время, за которое некоторые участники переформулировали свои высказывания. Иногда — стилистически, иногда — содержательно: уточняя мысль, докручивая ее или, наоборот, смягчая то, что в момент речи было сказано острее. Мы не считаем это искажением: переход в письменный регистр предполагает иную меру ответственности за слово, и право автора отредактировать собственную реплику кажется нам бесспорным. Но это означает, что публикуемый текст — «авторизованная» версия разговора, и читатель, по-видимому, имеет право об этом знать.

Отдельная сложность — отсылки. Участники постоянно опирались на то, что прозвучало раньше. Часть таких отсылок мы оставили как есть, потому что они показывают, что дискуссия была сквозной и держалась на общем контексте обсуждения, а не на отдельных выступлениях. Это означает, что местами читатель публикуемых материалов оказывается в положении человека, пришедшего в середину разговора. Это положение мы решили не маскировать, что, надеемся, не испортит общего впечатления от дискуссии.

Также важно упомянуть о том, как мы пытались тематически сгруппировать реплики. Изначально предполагалось вычленив несколько подкатегорий, привязанных к вопросам круглых столов. Однако быстро выяснилось, что вопросы повлияли на дискуссию гораздо меньше, чем мы рассчитывали: участники возвращались к одним и тем же сюжетам — заказу, лояльности, рынку, академическим стандартам — независимо от того, какой вопрос был задан и в рамках какой подсекции. Мы пробовали разные способы сборки этого текста: разделить материал на «структуры» и «этику», ввести отдельную рубрику «заказ», развести «идентичность» и «аффективное измерение» профессиональной работы. Ни одна из сеток тегов не выдерживала провер-

ки материалом: реплики не желали распределяться по чистым категориям и в большинстве случаев попадали сразу в несколько.

В итоге мы остановились на двух блоках — «Сообщество. Лояльность» и «Исследование». Тема рынка и заказа в прикладных исследованиях стала сквозной. Объяснение тому, что эти два блока оказались работающими, а более дробные способы деления — нет, нам видится следующим. Во всех попытках классификации обнаруживался следующий устойчивый смысловой сдвиг. Какой бы из вопросов ни обсуждался — об оптике, о методах, об идеальном антропологе, — высказывания участников раз за разом смещались с содержания на описание структурных условий, в которых исследователь оказывается и в которых вынужден действовать. Иными словами, рассуждение о том, как устроена прикладная антропология, в большинстве случаев оборачивалось рассуждением о том, в каких условиях антрополог в ней существует.

Этот сдвиг — на наш взгляд, значимый и содержательный — и определил выбор итоговой рамки. Вместо тематических подкатегорий мы предлагаем читателю два угла зрения на общую ситуацию профессионального существования прикладного антрополога.

Также отметим, что вышеупомянутые структурные условия, не просто задают внешние ограничения, но формируют и саму исследовательскую оптику: то, как антрополог видит поле, каких акторов считает значимыми и какие вопросы вообще кажутся ему уместными. В этом смысле *давление структур* — это не помеха исследованию, которую можно преодолеть достаточной рефлексивностью, а его постоянный фон, во многом определяющий, что именно производится в результате. Именно поэтому обсуждение такого давления также проходит красной нитью через всю дискуссию, и вынести его в отдельную рубрику не представляется возможным.

Наконец, есть реплики, которые в публикацию не вошли. Мы отмечаем это, чтобы читатель помнил: публикуемая выборка — это не стенограмма, а результат нескольких уровней отбора, и сами эти уровни тоже стоит иметь в виду.

Дискуссия

Общие вопросы секции:

— В прикладном исследовании антрополог несет ответственность одновременно перед исследуемым сообществом, заказчиком и академическими стандартами. Как разрешается конфликт лояльностей, когда эти обязательства вступают в противоречие?

— Как рыночные условия влияют на антропологическое знание?

— Видите ли вы в этом проблему и, если да, как пытаетесь ее решать?

Специальные вопросы каждой подсекции:

Подсекция 1:

- Как наличие заказчика меняет вашу исследовательскую оптику и профессиональную позицию?
- Идеальный заказчик для идеального антрополога: какой он?

Подсекция 2:

- Прикладная антропология может требовать использования «чужих» методов или адаптации «своих» под ограничения времени и формата?
- Где проходит граница между адаптацией и утратой качества исследования?

Подсекция 3:

- Как структурные и контекстные условия прикладных проектов — сроки, междисциплинарность команды, институциональные требования — трансформируют вашу исследовательскую практику?
- Каким должен быть идеальный антрополог для прикладного проекта?

Сообщество, лояльность

Иван Сапогов: Для меня «сообщество» — это триггерное выражение. Когда я слышу слово «сообщество», я хватаюсь за револьвер. Некоторое количество сил и времени я посвятил тому, чтобы критиковать понятие «городского сообщества». Более того, в сборник «Партиципаторная Россия», который собирались издавать в НЛЮ Илья Севастьянов и его коллеги, должна была войти моя статья, где я писал, что партиципация вообще невозможна, что никакой партиципации нет.

Тут речь идет скорее даже не о заказчике, а о некоторых представлениях, которые заказчик разделяет — да будет позволено ввести такую категорию, — такие общие места, «*loci communes*», которые имеются вокруг того, что называется городом: вот у нас есть город, и считается, что в городе есть сообщества. И так считается не потому, что в науке так принято концептуализировать, а потому, что у нас есть конкурс «Формирование комфортной городской среды», в котором необходимо исследователям показать, какие запросы есть у горожан и как проект их решает. И показать, пользуясь определенными заранее заданными выражениями. Разумеется, антрополог, работая над заявкой для этого конкурса, будет конструировать сообщество. Никуда он от этого не денется. Имеет ли он на это право — вопрос, и у меня нет ответа на этот вопрос.

Проблема в том, что антропологи вообще довольно часто это делают. Иногда они делают это безотносительно того, есть такая установка в каких-то документах или нет. Но в данном случае у нас не остается другого выбора,

кроме как конструировать сообщество. Я как исследователь могу считать, что понятие «сообщество» и чисто академические коннотации, которые оно за собой тянет, не годятся для описания городской социальности, но как только мне потребуется выполнить полевую работу для заказчика, который хочет получить федеральное финансирование, мне придется заниматься вот этим вот — пользоваться теми выражениями, которые я до этого с таким пылом критиковал.

Святослав Ковальский: Мне «сообщество» не нравится. Это совершенно точно надо деконструировать. «Сообщество», «заказчик», «академические стандарты» — это уже определенная модель социальной ситуации и, соответственно, какие-то позиции, которые в этой социальной ситуации можно занимать. Нечто под названием «сообщество» в этой ситуации, по крайней мере, по моему опыту — скромному, но тем не менее, — это, пожалуй, самая большая редукция, самое большое огрубление, самое большое обобщение из этих трех вещей. Самая неконкретная абстракция — и самая опасная по своим последствиям. Буквально можно людям гадостей наделать, того не желая. Потому что, как правило, то, что мы понимаем под сообществом, не является монолитом. Очень часто группы состоят из множества разных коллективов с конфликтующими или неконфликтующими интересами, пока ты эти интересы не столкнешь своей персоной, сам того не желая.

В какой момент возникает заказ от сообщества? Когда мы всех собрали и такие: «Здравствуйте! Мы приехали, хотим вам творить добро?» Когда собрали слушания, столкнули всех лбами? Любимая сейчас панацея — «community-based research»¹, которая, мне кажется, зачастую весьма страшная вещь по своим последствиям.

Заданная вопросами «ответственность» перед «сообществом», «заказчиком» и «академическими стандартами» имеет смысл только в рамках некоторых теорий моральной ответственности и социальных онтологий (например, допускающих коллективную ответственность и существование коллективных акторов). То же, в общем-то, касается и «лояльности», хотя это несколько иное понятие, требующее отдельного обсуждения. Как бы то ни было, я исхожу из того, что сообществ как монолитных коллективных акторов не существует и, соответственно, ответственность перед ними — фикция (пусть и могущая иметь ощутимые последствия, но которые причиняются отнюдь не усилием коллективных сущностей). Что не фиктивно, так это вина, которая может быть на нас возложена вполне конкретными людьми, на которых мы воздействуем своим вовлечением во всякие прикладные проекты. И вот с этим, пожалуй, считаться сложнее, чем строить утешающие абстрактные схемы ответственностей и лояльностей перед абстрактными же сообществами, заказчиками и т.д. Концептуальное решение конфликта лояльностей не спасет от практических обвинений и переживаемого чувства вины.

В конечном итоге, мне кажется, нам нужно эту ситуацию осмыслить в других категориях. Может быть, этот мир не состоит из «сообществ», «заказчиков», «стандартов», «лояльностей» и проч. Он состоит из чего-то другого.

¹ Особое направление исследований, в рамках которого исследователи и заинтересованные члены сообщества сотрудничают с целью решения проблем, выявленных сообществом.

Соответственно, наши действия в этом мире могут быть лучше, если мы по-другому выстроим отношения, руководствуясь иными категориями.

Мария Мочалова: Мы все равно как антропологи в предложенных нам исследованиях так или иначе живем в какой-то патерналистской конструкции, но мне хочется верить, что мы чувствуем и понимаем ее устройство. Есть кто-то, у кого больше власти, сил, полномочий и денег, есть кто-то, у кого меньше, — и мы всегда видим это в ситуации заказа. Вопрос наш — он скорее про это. И у меня достаточно простой ответ — я здесь выступаю «защитником обездоленных». Простите, что слишком много на себя беру, но мне кажется, мы имеем вес какой-то, значимость и силу; сама практика производства знаний антропологами имеет все это. И еще мы обладаем умением подбирать разные слова и способы говорить: если нам не нравится одно, мы не разделяем какое-то направление работы или представления информации, мы можем постараться заменить его другим.

Мы можем влиять на эту ситуацию распределения сил и чуть больше приблизиться к какому-то более идеальному миру, или, по крайней мере, более идеальной ситуации исследования, в которой мы постараемся решить какую-то проблему.

При этом, когда все эти наши лояльности вступают в противоречие — мне сложно. Я не могу выбрать или встать на позицию того, у кого больше власти. Хотя я понимаю, что можно иногда перевернуть игру и сказать, что, например, у коренного сообщества в каком-то смысле больше власти в ситуации, когда разговор идет об историчности и индигенности сейчас, в наше постколониальное время. Через этот дискурс тоже осуществляется власть, но и эта ситуация продиктована кем-то, у кого власти еще больше, ведь рамку индигенности как бы предложили, «подарили» во многом именно исследователи и политики. К тому же она работает зачастую только, пока сообщество представляет себя достаточно «коренным» и «аутентичным», чтобы этот дискурс его опознал.

Наталья Савина: В предпроектных исследованиях, связанных с благоустройством (значительную часть которых занимает подготовка заявок на федеральный конкурс, известный многим как МГИП), я регулярно оказываюсь в ситуации некоторого напряжения между интересами заказчика (которым выступают архитектурное бюро и местная администрация, а иногда еще и региональная) и интересами горожан. Поскольку в таких государственных проектах участие жителей заявлено как базовая рамка и своего рода «правила игры», я вижу свою профессиональную задачу в том, чтобы последовательно поддерживать в проекте сторону жителей: подсвечивать их интересы, запросы, ценности, привычки и повседневные практики, а также следить за тем, чтобы они действительно учитывались при разработке архитектурных решений.

Как человек, получивший антропологическое образование и работающий с опорой на него, я вижу свою роль в том, чтобы привносить в проект антропоцентричный взгляд. Я стараюсь, чтобы эта оптика влияла не только на мою исследовательскую часть, но и на всю работу проектной команды: на взаимодействие с людьми, выбор проектных решений, способы описания города/поселка и конкретной территории, а также на презентацию. В частности, для меня принципиально важно, чтобы в альбомах – сверстанных презентациях,

в которых оформляются результаты работы междисциплинарной проектной команды, — люди и их практики не превращались только в набор схем, таблиц и обозначений «типов пользователей». Один из показательных примеров — то, как архитекторы и дизайнеры часто изображают посетителей пространства через схематичные иллюстрации: вот мама с коляской, вот подросток, вот бабушка... Безусловно, в архитектурных и аналитических материалах невозможно полностью отказаться от условностей, но мне кажется важным, чтобы эти условности не начинали превалировать и не вытесняли ощущение знакомства с жителями конкретного места. Поэтому я всегда выступаю за то, чтобы в материалах, где это возможно и уместно, появлялись фотографии реальных горожан и их практик. В частности, я стараюсь просматривать материалы архитекторов и аналитиков и предлагаю заменить условные иллюстрации фотографиями реальных людей. Еще более скептически я отношусь к использованию ИИ-иллюстраций людей, которые становятся все более распространенными. Сейчас дизайнеру даже не нужно специально разрабатывать обобщенный образ жителя, поскольку его можно быстро сгенерировать, и это оказывается проще, чем найти фотографии реальных людей. Меня смущает такая тенденция, потому что она позволяет очень легко и быстро создать презентацию проекта, весьма далекую от реального контекста.

Еще один показательный для меня момент — проведение общегородских проектных семинаров. Мне приходилось наблюдать за работой разных проектных команд, и, например, мне кажется важным, когда приглашенным людям дают право высказаться и самим нарисовать что-то на картах или листах, отметить важные места, написать свои предложения, приклеить стикеры — а не рисуют или клеят за них, оправдывая это тем, что так удобнее в работе.

Мне кажется, что, привнося антропоцентричную оптику в проект, антрополог может, метафорически говоря, «заражать» ею или «прививать» ее другим участникам процесса — чтобы, разрабатывая проекты по государственным программам, они так или иначе держали в голове, что работают не только для удовлетворения собственных профессиональных амбиций, не просто для городов и «развития территорий», а в конечном счете — для людей. Такую оптику, на мой взгляд, важно передавать прежде всего архитекторам и тем самым напоминать им, что они проектируют не для абстрактных пользователей, а для конкретных людей, живущих в определенном контексте, с разными привычками, потребностями и ожиданиями. Не менее важно, чтобы эта перспектива была видна и городской администрации, которая так или иначе знакомится с проектными материалами и принимает участие в их обсуждении. Для администрации такие материалы могут становиться и напоминанием о том, что речь идет о создании условий для конкретных людей — жителей, для которых они работают. Наконец, мне кажется, что эту оптику стоит передавать и экспертам, которые оценивают заявки в Минстрое. Когда они просматривают 500 заявок за два месяца, существует риск, что за схемами, таблицами и сгенерированными персонажами исчезнет само место и его жители. Поэтому мне кажется важным, чтобы проектные материалы помогали увидеть не только архитектурные предложения, но и тех людей, ради которых они разрабатываются. В конце концов, представителям Минстроя — как сотрудникам государственной структуры, так и нанятым ими экспертам — тоже стоит напоминать, что они работают, распределяют федеральные средства и принимают решения не для абстрактных персонажей, а для реальных людей.

Виктория Михайлова: Мне хотелось задать вопрос Наталье [Савиной] во время ее доклада, но, пожалуй, лучше вынести его на общее обсуждение. Наталья описала позицию, при которой для нее важно влиять на проектный процесс — и мне это очень близко, потому что я сама в схожих проектах всегда стараюсь встроиться в структуру работы именно таким образом, чтобы оказаться в такой же позиции. Я выстраиваю свою исследовательскую практику так, чтобы те наблюдения и выводы, которые появляются в процессе исследования, могли реально войти в проект и повлиять на решения.

Но вот что меня здесь занимает. Когда я нахожусь в этой позиции, я автоматически становлюсь тем, кто занимается репрезентацией и интерпретацией, — и тем, кто несет за это ответственность, ведь эта интерпретация в итоге реализуется через проект, через конкретные решения. Иными словами, я несу ответственность не только за исследование, но и за то, что из него воплощается в жизнь. И тогда возникает вопрос: почему для нас эта позиция кажется правильной? Что именно мы считаем своей задачей и насколько осознанно мы принимаем на себя эту ответственность?

Алевтина Бородулина: у меня есть ощущение, что в моем исследовании бедаю в Малайзии я лояльна духам (в шутку — мы наняты духами на работу). В исследуемом сообществе все разные на самом деле, там не все «обездоленные» (отсылая к реплике Марии Мочаловой). И у всех очень разные интересы — и экономические, и властные. А есть, помимо этого, ещё какая-то идеалистическая картинка — она близка к тому, о чем Мария говорила: такое ощущение, что мы всегда должны быть на стороне... ну, например, ты любишь это здание — и ты хочешь, чтобы оно скорее сохранилось, а не было уничтожено. Это твое личное предпочтение, но от этого никуда не деться. Лучше, если будет сохранено что-то от этой архитектуры, может быть, просто потому, что я человек, который любит культурное разнообразие. Я поняла, что, несмотря на идеалы исследовательской дистанции и объективизма, я всегда начинаю эмоционально привязываться ко всему, что я делаю. И в той ситуации — как Мария как раз описала: ты получаешь деньги от одного источника, будь это российский научный фонд или заказчик, но морально ты работаешь как будто на некое субъективно понимаемое всеобщее «благо». Это, возможно, теоретическая картина. Но я с ней существую.

Виктория Михайлова: Мне хотелось бы вернуться к тому, о чем говорилось в самом начале — о том иллюзорном благе, которое мы, как исследователи, якобы несем. Есть такое представление, что мы всегда должны стоять на защите сообществ. Но мы уже выяснили, что сами сообщества — понятие не очень устойчивое: непонятно, кто именно входит в это сообщество и кого именно мы защищаем.

Мне кажется, что эта позиция — «мы защищаем обездоленных» — всегда эмоциональная, и всегда про некое сконструированное благо, которое существует прежде всего в наших головах. Откуда берется это представление о благе — отдельный вопрос, но оно у нас есть, и мы его воспроизводим.

Но при этом мы понимаем, что есть исследователи, которые работают, например, на корпорации, изучают их и могут находиться на их стороне. Видимо, эти исследователи оказываются, по такой логике, в невероятном кризисе:

они должны защищать обездоленных, но стоят «на стороне зла». Мне кажется, «благо» относительно и всегда ситуативно, и все не так просто и очевидно, чтобы можно было разделить на «хороших» и «плохих».

Екатерина Садова: Если говорить об этике, я бы добавила сюда не только заказчика и академические стандарты, но и государство. Потому что мы как современные исследователи так или иначе работаем внутри текущих процессов и не можем их не учитывать.

Например, в одном проекте я работаю с чувствительной аудиторией, которой критически необходима государственная поддержка. И этические вопросы исследований для меня становятся особенно яркими, когда речь идет об анализе социальных проектов, которые получают внешнее финансирование.

Возникает как будто бы двойная ответственность — с одной стороны, перед самим сообществом, потому что важно не навредить, не поставить под риск его будущее финансирование. С другой — я действительно в рамках исследований могу выявить некоторые нереализованные обещания, которые заявлялись при запросе на грантовую поддержку... И как мне в таких ситуациях, где мои выводы могут иметь реальные последствия для участников, с трудом получающих какую-то помощь, сохранять исследовательскую нейтральность — пока я не понимаю.

Третье — про гранты. Я немного залезу в рассказ Виктории [Михайловой] и, прошу прощения, — мы просто вместе делали один территориальный проект. Когда ты идешь в поле как исследователь, который потом будет передавать материалы для того, чтобы территория получила деньги на развитие, — у меня так было и во Франции, и в России, — ты как бы должен подчеркнуть такие проблемы, которые, с одной стороны, реально существуют, а с другой — на которые правда можно получить финансирование и за счет этого что-то изменить.

И здесь возникает вопрос, на который, кажется, тоже нет ответа. Это снова про определенную вынужденную узость взгляда: ты как специалист понимаешь, что, условно, на парк деньги не дадут, а на школу — скорее всего дадут. И если ты действительно хочешь помочь сообществу, ты работаешь в этих рамках, понимая, что есть более важные для сообщества проблемы, которые ты не можешь затронуть, потому что заявка не про это и денег тут не дадут.

И вот эта сложность — сужение поля из-за рыночных условий и заданного целеполагания, то есть того, насколько ты вообще понимаешь, что то, что ты исследуешь, потом реально на что-то повлияет, — меня тоже волнует. Я пока нахожу для себя ответ в том, что мне бы хотелось действительно что-то менять на территории, поэтому я, в общем, играю по этим условиям. Но они для меня сложны. Я в этом вижу проблему. Не знаю, как на нее ответить, как решить пока.

Мария Сакирко: У нас² имеют значение не только академические стан-

² Здесь и далее Мария Сакирко и Полина Жураковская в своих репликах обсуждают свой опыт работы в проекте Музея Москвы «Москва без окраин», состоящем в серии выставок о районах Москвы, основанных на личных историях жителей.

дарты, но и музейные стандарты, хотя здесь тоже нет каких-то четко очерченных границ. Но вот пример, когда наши собеседники имеют свое видение того, как должна быть устроена выставка — не только то, как рассказана их история, но и в целом то, что еще представлено на выставке, и главное — как. С одной стороны, это очень ценно, и мы стараемся прислушиваться к мнениям и идеям наших собеседников. Но с другой стороны, мы стараемся разграничивать зоны экспертности: все-таки есть кураторы, которые принимают экспозиционные решения, а наши собеседники — эксперты по своим районам, по опыту жизни в них. Но это всегда довольно длительный диалог — мы пытаемся найти компромисс. Бывает так, что мы принимаем позиции наших собеседников, но мы часто настаиваем и на нашей позиции. У наших собеседников всегда есть возможность отказаться от участия, если они кардинально не согласны с нашим видением. У нас была пара таких случаев, когда уже на этапе согласования финальной витрины люди отказывались участвовать. Такое бывает.

Павел Куприянов: А когда они между собой конфликтуют — такое бывает?

Полина Жураковская: Бывает. Например, так было на выставке про Очаково-Матвеевское. В ней участвовали жители Очакова и Матвеевского. Жители Матвеевского не хотели, чтобы их истории пересекались с историями жителей Очакова. Это две очень разные территории — артикулированно разные. Сотрудники «Планеты» — организации, устраивающей разные культурно-массовые мероприятия, — поделились с нами, что им очень сложно сделать одно событие для двух районов, и они делают два одинаковых: утром, скажем, в Очакове, вечером в Матвеевском. Жители не хотят соприкоснуться между собой. Когда они все пришли на открытие, мы стали свидетелями напряжения и латентного конфликта в режиме реального времени.

Павел Куприянов: Вы знали про эту ситуацию заранее?

Полина Жураковская: Да, знали.

Павел Куприянов: Но вы не могли сделать две выставки?

Мария Сакирко: Нет, мы не могли сделать две выставки, потому что делаем одну выставку в рамках района. Административные границы для нас — принципиальное условие. Но мы стремимся к тому, чтобы внутри этих границ не пытаться создать какой-то единый обобщенный образ, а как раз говорить о разнообразии и различиях.

Полина Жураковская: Разочек дай волю — и начнется: «Арбат — это вообще-то до Остоженки» и тому подобное.

Павел Куприянов: Мне нравятся эти антропологи... Понятно. Но такого, что вы все время решаете в пользу ваших информантов или все время в пользу музея — такого нет? У вас всегда по-разному или все-таки есть некоторые доминирующие факторы?

Полина Жураковская: Мы с Марией [Сакирко] очень настойчиво оста-

емся на стороне наших собеседников. Мы их очень любим, уважаем и стараемся по возможности защитить. Например, в случае с текстом: мы просим редактора сохранить в нем все, что важно для собеседника, можем несколько раз согласовывать. Нам важны моменты нашего общения и уважения. Иногда удается настоять на сохранении изначальных формулировок.

Павел Куприянов: Вы себя чувствуете такими медиаторами, о которых говорила Екатерина [Садова], или нет? Между... кем-то и кем-то.

Полина Жураковская: Я-то точно себя чувствую. У меня есть это ощущение медиатора, переводчика. Поэтому я и настаиваю на максимально корректной, уважительной репрезентации каких-то важных для людей сюжетов.

Мария Сакирко: Мы неизбежно оказываемся в роли переводчика, который выбирает, интерпретирует и адаптирует истории своих собеседников для музейного пространства, но мы стараемся максимально внимательно это делать. Но понятно, что всегда есть опасность что-то пропустить, допустить ошибку, и такие ситуации тоже бывали.

Исследование

Святослав Ковальский: Сперва нужно определиться, что такое оптика, потому что метафора эта донельзя затасканная. И в этом отношении, как могут заказчики или не заказчики, кто угодно, влиять на оптику, не вполне очевидно. У меня «диоптрия» не меняется... Если иметь в виду методологию, то она, пожалуй, никак не меняется от наличия заказчика. У тебя есть какие-то общие исследовательские установки, грубо говоря, парадигмы мышления: если ты болеешь историзмом, или социологизмом, или еще чем-нибудь — онтологическим поворотом — то это с тобой и останется, вне зависимости от того, есть у тебя заказчик или нет. Если понимать под оптикой методику (то есть конкретный набор исследовательских приемов), то и она тоже, в общем-то, не зависит напрямую от заказчика, а скорее от цели и предмета. Конечно, можно сказать, что заказчик формулирует эту цель и предмет, но, по моему опыту, их формулирование — написание ТЗ — это как минимум диалогический процесс.

Теперь про профессиональную позицию. Она тоже никак не меняется от наличия заказчика: я остаюсь антропологом, научным сотрудником вне зависимости от того, какой у меня заказчик. Скорее меняется то, что называют позициональностью (*positionality*) в антропологии. И вот тут как раз возникают серьезные дилеммы. Статус исполнителя заказа — то есть некоторой заинтересованной стороны, если ты его не скрываешь от людей, — очевидно, исключает возможность такой позиции, как медиатор в отношениях. В каких-то ситуациях роль адвоката сообщества будет исключена, если заказчик, например, корпоративный. Тут можно еще задаться вопросом: не исключает ли роль исполнителя заказа вообще статус и позицию ученого. Это тоже возможно.

Мне кажется, в этом смысле не профессиональную позицию надо рефлексировать, а именно вот эту позициональность. Хотите вы этого или нет, она будет иметь последствия. Поэтому ее надо рефлексировать и на входе,

то есть сразу думать, кем ты окажешься в этой ситуации; и в процессе, потому что процесс будет оказывать влияние на то, кем ты оказываешься; и на выходе из ситуации — это тоже определяющая вещь: есть «жизнь проекта после проекта».

Что касается идеального заказчика: идеальный заказчик в идеальном мире — никакой, потому что в идеальном мире нет заказчиков. Это капиталистическая корпоративная логика, то есть логика несовершенного мира. Это я полусерьезно, полусхуя. Вообще идеальному антропологу не пришлось бы браться за заказы, потому что позиция исследователя в хорошем мире — это позиция, где ты не голодаешь и у тебя не становятся круглыми глаза от того, что тебе какую-то сумму предложили. Соответственно, ты не берешься за заказы — ты занимаешься «рисерч». Хотя «рисерч» — дурацкое слово, потому что оно стало синонимом «прикладнухи». Давайте «познавать мир» — это здорово. Пусть все будут исследователями. Мир философов — это хороший мир. А в неидеальном мире идеальный заказчик — это стихийный антрополог. Это если мы смиримся с тем положением вещей в мире, в котором живем.

Павел Куприянов: И я правильно понимаю, что из того, что ты говоришь, следует: наличие заказа, ситуация заказа угрожает твоей позиции как ученого? Ты как будто боишься перестать быть ученым в какой-то момент?

Святослав Ковальский: Я бы сказал, что не боюсь. Мне кажется, прикладная роль — это не исследовательская роль, это не про познание мира, это про действие в мире. И в этом смысле — это другая роль. Я не хочу сказать, что она плохая. Но при этом действовать в мире не обязательно через заказ. Заказ, мне кажется, это черта нашего времени — она не универсальная, не внеисторичная.

Алевтина Бородулина: Пока я работала в академии, я писала то про Сахалин, то про Крохино — меня вообще невозможно было остановить. Но я не понимала, для чего это все нужно. То есть я не очень верила в то, что я вношу какой-то большой вклад в великую теорию или в знания о мире. Мне казалось, что я приезжаю в какое-то место — вот как на Сахалин, в заброшенный городок, где людям плохо, и у них — своя жизнь, а я на этом зачем-то делаю себе академическую карьеру. И после того, как я от них уеду, им лучше не станет, потому что я не журналистка, я не смогу привлечь внимание к их проблеме. Прочитают это три с половиной человека. Я себя чувствую очень бесполезной. И именно наличие заказчика — скорее, даже прикладного исследования, — дает мне хотя бы веру: то, что я делаю, не напрасно и, может быть, чуть-чуть кому-то как-то станет от этого лучше. Такую мотивацию. Это — во-первых.

А во-вторых, заказчик дает временные ограничения. Он как бы говорит тебе: вот отсюда досюда мы работаем. И неважно, что это еще не идеально, не завершено, не доисследовано, не дочитано — вот все, вы должны выйти к этому месяцу! Это тоже помогает. Ну, единственное, что если вы идеальный заказчик, то, конечно, должны быть адекватные сроки. Вот в одном случае, я ответила: «Полгода работы — это прекрасно!». Был другой заказчик, который думал, что социокультурное проектирование делается за неделю, а мне нужно было объяснить, что за две недели (хотя, на самом деле, и не за две).

Екатерина Садова: Я хотела сказать по поводу моей боли: рыночные условия требуют максимально коротких, ярких и емких текстов. И я не понимаю, как следующий специалист, который будет приходить, например, через год, будет это оценивать. Как он посмотрит на мои тезисы без расписанных формул, выборки, ещё чего-нибудь... Как он будет работать с этим дальше? Насколько действительно заказчики — и даже, в первую очередь, команда, которой предстоит дальше работать с выявленными мною проблемами, — будут принимать это мое «целеполагание», понимать, что именно и почему я предлагаю вводить, — для меня большой вопрос.

Я все равно пока пишу вот этот большой внутренний документ, где расписываю весь ход работы и логику будущих изменений, причинно-следственные связи. Я знаю, что сейчас его никто не читает, поэтому мне больно и грустно: я, по сути, пишу почти диссертацию (понятно, что — нет, но это просто большой-большой труд), которую рынок не требует. Но он нужен в реальности, потому что я понимаю: когда я захожу, например, за кем-то в проект, я тоже не могу восстановить эту цепочку, не могу даже понять, что предыдущий аналитик мог сделать неправильно, — и иногда приходится в целом исследование начинать полностью заново. И вот эта особенность рыночных условий меня печалит.

Виктория Михайлова: Как раз хотела сказать еще про тот пресловутый «продукт». Мне кажется, что рынок влияет на нас именно в этом аспекте очень сильно: продуктовая логика, о которой мы сегодня говорили, вынуждает нас упаковывать наше знание в какой-то продукт. Каким именно будет этот продукт — отдельная история, зависящая от задачи и контекста, — но это должен быть именно «продукт» в рыночном смысле. Мы должны подобрать к нему понятную упаковку, которую смогут воспринять потенциальные заказчики, и суметь объяснить, что именно мы можем сделать, доступным языком. Вот эта продуктовая логика на нас действительно сильно влияет.

И здесь же — про методы. Мы уже обсуждали сегодня, что бизнес-инструменты развиваются быстрее, чем исследовательские: они более гибкие, оперативные и лучше упакованы. И это тоже давление, с которым приходится считаться.

Павел Куприянов: О чем и речь. Вот эти все обстоятельства, они как будто бы меняют то, что получается в процессе, и то, что получается в итоге. Вот я все время себя ловлю на том, что если я пишу статью, то я могу оговорить и продемонстрировать сложность, я могу ее показать и что-то с ней там как-то крутить, как-то пытаться объяснить действительность и даже сказать, например: «Смотрите, не получается объяснить с помощью вот этого инструмента». А когда у меня есть человек, который спрашивает: «Сколько вешать в граммах — проектировать все-таки детскую площадку или рампу для скейтеров? Всё-таки каток или сцену?» — вот тут я как будто вынужден как-то всё-таки себя ограничивать, и эта сложность отступает куда-то на дальний план, остается за скобками. А здесь вот я говорю: «Ну, как будто, в общем, сцена — пожалуй, самый оптимальный вариант».

Мария Мочалова: Государство, которое вроде бы должно быть не совсем рыночным игроком, а каким-то иным, дающим деньги на фундаментальные

исследования, на самом деле им не является. Потому что если ты получаешь финансирование под конкретное исследование — его идеи, цели и результаты, под его объём, которые ты заранее прописываешь, — то именно за осуществление всего этого прописанного ты и получаешь оплату. А значит, ты все равно оказываешься в той самой ситуации рынка, которую мы только что раскритиковали, просто заказчиком тут выступает государство.

Получается, что по-настоящему вне рынка ты оказываешься только в одном случае: когда достигаешь такого уровня экспертности и признания, что тебе дают средства на проведение исследования и твое существование просто за то, что ты исследователь. Тебе настолько доверяют, что разрешают самому придумывать, что именно изучать, — не спрашивая заранее, под какие конкретные цели и результаты. Такое, если честно, сложно представить, потому что это какая-то ситуация почти полного отсутствия контроля, получается, со стороны общества.

На деле, мне кажется, другой ситуации, в которой мы не продавали бы знание, — у нас пока просто нет. Поэтому проблему я вижу иную, более «земную»: это «модность» отдельных «рыночных» слов, пришедших в академию. Не нужно пытаться все превратить в продукт. Оттого что мы назовем «продуктом» наше исследование или текст, наша работа не станет более прикладной, популярной или ценной. То есть это вопрос к языку, а не к самой рыночной ситуации. А к ситуации какие вопросы? Мы живем в капитализме, а у него нет «снаружи». Он задает не только условия того, как и откуда мы получаем деньги, но и сами категории, в которых мы описываем свою работу.

Александр Басов: Хочу вернуться к тому, что тут как-то, мне кажется, немного потерялось: разделение, на котором настаивает Павел [Куприянов] между прикладными и неприкладными академическими проектами. Мы обсуждали это с ним в интервью про проект, о котором Алевтина [Бородулина] рассказывала в докладе³. Мы оказались в такой ситуации, когда ты, чтобы сделать хороший продукт, чтобы он продавался, ты... чистишь его. Все, что не продается, что глаз занозит, — ты это убираешь. Ты там, конечно, подстилаешь себе какую-то соломку, пишешь, что мы, конечно, не все осветили. Но это одно предложение на техническом языке, где-то там во «Введении» — такой маленький дисклеймер, небольшой, таким маленьким шрифтом. А все остальное, когда человек эту книжку читает, у него будет ощущение, что вот как живут бедаю, что у них вот такая культура, что вот у них вот эти три цвета. И они монолитное сообщество, и хотят развиваться в туризме, конечно. И это так и задумано, и так и нужно, потому что вот так оно будет работать, а иначе будто бы не будет.

Эта вот история, она как бы... вшита в форматы нашей жизни.

И потому я не уверен, можно ли ее решить ясным языком или чем-то takim. Кажется, здесь работают какие-то структурные неравенства и какое-то изощренное насилие, которое зашито в это все производство продуктов, — и это не лечится так просто. Только революция какая-то нужна.

³ Имеется в виду обсуждение прикладного исследования в Малайзии: (Басов и др. 2025).

Мария Сакирко: Для нас это, конечно, очень актуальный вопрос — во-первых, с точки зрения ограничения времени и формата. Мы работаем примерно 3–4 месяца над каждой выставкой. Правда, у нас три человека, которые активно берут интервью и еще несколько интервьюеров, которые нам помогают. Еще у нас ограниченное пространство, в котором мы представляем истории. Довольно часто бывает так, что у нас есть возможность — есть необходимые контакты и понимание направления — и есть желание глубже погрузиться в какую-то историю, но мы понимаем, что мы не можем: мы должны успеть обработать [имеющийся материал и] познакомиться с теми институциями и сюжетами, которые еще не охвачены в районе. Мы не можем себе позволить ввести все истории в полном объеме.

Но одновременно с этим нам недостаточно поговорить, условно, с одним человеком — то есть мы пытаемся увидеть разнообразие взглядов и включить разные опыты, связанные с каким-то конкретным местом или с конкретным временным периодом. Плюс есть проблема формата: одна выставка следует за другой, и мы еще, например, не успели вернуть экспонаты собеседникам с предыдущей выставки, а у нас уже идет подготовка к следующей. И вот это наслоение тоже создает постоянную проблему и риск утраты качества исследования.

Но одновременно есть вопрос: можем ли мы это называть исследованием? Конечно, в академическом плане здесь много моментов. Например, мы не можем быть достаточно критичными. Если мы видим какие-то конфликты в районе, то мы скорее будем их смягчать на выставке, чем актуализировать. Если бы мы проводили академическое исследование, мы бы, наоборот, взяли это за основу для того, чтобы понять район. Здесь мы, конечно, это учитываем для понимания района и того, как с ним работать, но в самой экспозиции мы все-таки стараемся уйти от оценочных суждений, которыми делятся наши собеседники.

Полина Жураковская: Это правда немножко напоминает коллекцию историй, такой чисто описательный проект — и это моя ужасная боль, потому что я говорю: давайте сядем, проанализируем, продумаем какие-то смыслы. Но это как будто постоянно ускользает, как будто не хватает сил и времени на аналитическую работу времени <...> И, в общем, тебе остается согласиться с тем, что, наверное, главный эффект этого проекта — это, во-первых, действительно, накопление какой-то информации, которая будет потом доступна уже для нормального исследования, и, кроме того, есть еще терапевтическое измерение, которое совершенно точно работает. Этот результат точно есть, и мы часто получаем такую обратную связь: что важен сам процесс участия, важна ситуация участия.

Мария Сакирко: Да, ситуация диалога с жителями, благодаря которой они начинают чувствовать музей своим.

Павел Куприянов: Да, социальный эффект или эмоциональный эффект — это как раз очень понятно. Но вот мне кажется: не правильнее ли «отпустить» и сказать, что мы не занимаемся исследованием, мы собираем материал. Может быть, так концептуализировать вашу деятельность? Потому что, мне кажется, попытка сказать, что наше исследование про смыслы района, — это

такая зыбкая почва, непонятная, как бы сказать, концептуализация, сомнительная, так скажем. Поэтому, может быть, просто: «Мы собираем материал, мы собираем воспоминания, мы собираем истории»? И тогда и вам легче станет, и, может быть, это будет точнее?

Мария Сакирко: С одной стороны, да, мы собираем истории, с другой стороны, у нас присутствует рефлексия и анализ собранных историй в определённой степени, но не в той степени, в которой бы мог себе позволить академический исследователь.

Полина Жураковская: И у нас появляются гипотезы, в отношении которых нам бы хотелось, чтобы их кто-то потом разрабатывал. Но они как бы повисают в воздухе. И точно нигде не остаются. Они остаются только в скетч-буке. И это обидно. Кажется, что мы кое-что заметили, что хочется кому-то передать.

Александра Мартыненко: В одном из первых прикладных проектов я помню, что испытывала то самое антропологическое беспокойство, которое, уверена, мои коллеги тоже много раз испытывали и много раз его упоминали. Вот это ощущение, когда тебе кажется, что те данные, которые ты собрал в рамках прикладного проекта, — недостаточны. Они какие-то неполные. С ними что-то не так.

Это то, что вызывает обычно беспокойство у людей, которые привыкли к академическим исследованиям: долгим, глубоким и т.д. И в связи с этим, в том числе в рамках прикладного проекта, посвященного дачной культуре, я сразу обратилась к Александре Касаткиной, потому что она уже обладатель экспертизы в этом поле. Но помимо ее экспертизы мне была важна и ее способность адекватно воспринять то, что те данные, которые мы соберем для прикладного проекта, будут неполные, будут сфокусированы на конкретной маленькой задаче, и их сбор будет ограничен сроками. И в этом смысле идеальный антрополог для прикладного исследования, опять же — это человек, который внимателен к контексту и готов понять все ограничения, связанные с прикладными исследованиями.

Наталья Савина: Мне кажется важным разделять разные типы прикладных исследований. Например, есть прикладные проекты, в которых исследовательская практика и участие жителей специально подвешиваются и выносятся на первый план, — это могут быть проекты благоустройства или культурные проекты отдельных институций. Если авторы или организаторы проекта заявляют, что он сделан «с опорой на социологическое/антропологическое исследование», с «вовлечением жителей» и «работой с локальным сообществом» — у меня, условно говоря, сразу возникает «стойка», как у собак на охоте. В таких случаях я считаю, что, как антрополог и специалист, понимающий, как устроена такая работа, могу предъявлять к ней профессиональные требования.

Например, если в правилах конкурса Минстроя прописано, что при разработке проекта благоустройства должно быть проведено «исследование», что должны «учитываться мнения жителей» и использоваться «механизмы соучаствующего проектирования», я могу оценивать, насколько исследова-

ние действительно было содержательным, насколько разнообразными были группы информантов и форматы, представленные как «вовлечение». Скажем, когда я открываю какой-нибудь альбом и вижу, что «исследованием» и «вовлечением» названы интервью, проведенные по Zoom, а в качестве подтверждения приложены фотографии, где в одной и той же комнате по очереди сидят разные группы информантов — сначала школьники, потом пенсионеры, потом работники культуры, — я отношусь к такому исследованию очень скептически. Или когда мои коллеги — специалисты, позиционирующие себя как «эксперты по взаимодействию с локальными сообществами», — работая в одной из республик Кавказа, позволяют себе в рабочих обсуждениях жесткие этнические стереотипы и шутки в адрес наших собеседников, у меня появляются вопросы к их профессиональным компетенциям. Ровно так же у меня возникает некоторое недоумение, когда предложения моих собеседников по наполнению выставки, посвященной им самим, не принимаются кураторами только потому, что не соответствуют их [кураторов] эстетическим представлениям: позиционируемая «работа с жителями» в таком случае, как мне кажется, вступает в некоторое противоречие с реальными решениями, принимаемыми авторами проекта.

Но есть и другой тип прикладных исследований. Например, если речь идет об исследовании для условного «Яндекса», посвященном пользовательскому опыту (UX-исследование), где задача состоит в том, чтобы зафиксировать определенные практики, сценарии, трудности или ожидания пользователей при работе с конкретным продуктом, — я несколько иначе отношусь к дальнейшей судьбе этого исследования. В таком проекте для меня может быть не столь принципиально, как именно заказчик затем учтет или не учтет результаты моей работы в своих управленческих или продуктовых решениях. Моя профессиональная ответственность в этом случае связана прежде всего с качеством самого исследования: уместным использованием разных методов сбора материала, точностью анализа полученных данных, корректным отношением к информантам и точно сформулированными рекомендациями.

Иными словами, мне кажется важным, какую роль исследование играет внутри проекта и какое место оно занимает в его публичном позиционировании. Если исследование и «работа с сообществами» предъясняются как основания для принятых решений, тогда у меня появляется гораздо больше оснований ожидать, что эта работа будет соответствовать профессиональным принципам. А в том случае, когда такая работа проводится мной, я считаю себя вправе ожидать от заказчика, что он будет учитывать ее результаты и мои рекомендации (для этого еще на этапе договоренностей стараюсь понять, насколько он к этому готов). Если же исследование выполняет скорее инструментальную задачу внутри какого-то продукта или сервиса, я не считаю, что могу претендовать на какой-либо контроль над последующими решениями заказчика.

Мария Мочалова: А кто вообще такой антрополог? Тот, кто делает какое-то полевое исследование, разговаривает с людьми. Но ведь не это делает антропологию отдельной наукой.

Взять, например, музейные проекты. На европейских образовательных программах вовсе не обязательно быть антропологом, чтобы научиться со-

бирать материалы для выставки или еще для чего-то. Под это есть отдельные направления — музейный менеджмент, Heritage Studies и проч. У нас такая программа была, насколько я знаю, только в Шанинке. Уже нет.

И вот в чем суть: путаница может начинаться еще здесь, на уровне образования и определения, что такое антропология. Тебе говорят, что в поле ходит именно антрополог. Ты такой: «Ага, значит, надо как-то притянуть к себе антропологический метод».

Александр Басов: В прикладном проекте хорошо бы понять, что этот проект делает в мире, хочешь ли ты, чтобы это в мире происходило дальше, и готов ли ты в него вкладываться как человек. И в этом смысле, мне кажется, что не так важно, называть ли это исследованием в прикладном смысле. Опять же, то, что мы с Павлом [Куприяновым] обсуждали в уже упомянутом интервью о малазийском исследовании: «Ну нет монополии у академической науки на исследования, кто угодно занимается исследованиями — и это нормально». Скорее, академическая наука отличается тем, на мой взгляд, что она должна проводить исследования, чтобы строить какие-то теории, понимать мир, как он устроен, или что-нибудь — как оно устроено. А в прикладных проектах вы проводите исследования, чтобы что-то сделать, чтобы оно что-то сделало, и тут надо понимать, хорошо ли это, правильно ли это, должно ли оно быть. Вот в эту сторону предлагаю думать.

Гавриил Малышев: Мне кажется, что ключевое качество идеального антрополога в прикладном проекте — и, шире, в любом исследовании, — это онтологическая честность. Я имею в виду честное понимание и признание того, что академическая и прикладная проектная онтологии — это разные образы мышления с принципиально разными целями деятельности. Если исследователь, начиная проект, способен с самого начала ясно определить для себя, кто он в этой ситуации и какую позицию занимает, а затем последовательно удерживать эту позицию и проговорить ее заказчику, то исследование в любом случае получится хорошим. Главное здесь — быть честным с самим собой и окружающими и не пытаться усидеть на двух стульях.

Возможных честных позиции я вижу ровно две. Во-первых, можно использовать прикладные проекты как большое академическое поле — и тогда ты остаешься внутри академической онтологии: просто изучаешь методом включенного наблюдения сам процесс проектирования. То есть параллельно работая на прикладной проект, ты можешь собирать материал для собственного академического исследования.

Во-вторых, можно, наоборот, своими усилиями постепенно смещать прикладную постановку задачи в сторону академической: убеждать заказчика, что проект должен стремиться не поменять что-то, а понять, всесторонне исследовать что-то. Для меня сегодня ответ звучит так: это две разные позиции, и идеальность антрополога заключается не в выборе одной из них, а в честности по отношению к собственному выбору.

Если антрополог входит в прикладной проект и сознательно принимает сторону архитекторов, работает внутри архитектурной онтологии, то важно понимать, что он делает. Он не должен пытаться искусственно натянуть

на эту ситуацию академические принципы и делать вид, будто занимается чистым пониманием. В прикладном проекте задача иная: не только понимать, но и улучшать, вмешиваться, проектировать изменения. И если исследователь честно признаёт, что в каком-то смысле фальсифицирует классическую академическую постановку задачи, это делает его позицию устойчивой.

Но возможна и противоположная ситуация. Идеальным антропологом для прикладного проекта может оказаться человек, который сохраняет прежде всего академическую позицию и честно говорит: «Я использую этот проект как возможность для исследования». Он может затем написать хороший текст о том, как устроены подобные проекты, или вообще прийти к выводу, что с точки зрения академической антропологии происходящее не поддается прямому применению, хотя сам собранный материал оказывается ценным. В обоих случаях решающим становится именно честное самоопределение. Если исследователь честен с собой, исследование будет состоятельным.

При этом внутри самой академической антропологии давно уже развечана идея исследователя, стоящего «над схваткой» в некой нейтральной метапозиции. Мы понимаем, что даже академическое исследование неизбежно влияет на сообщество, с которым работает.

Я могу привести пример из собственного опыта. Во время академического, совершенно неприкладного исследования на Чукотке, среди чукчей и эскимосов, один сельский чиновник узнал, что я архитектор. В полевых условиях, особенно в таком сложном и дорогом регионе, найти жилье антропологу очень трудно. И тут этот местный администратор предложил мне: «Я поселил тебя у себя, ты будешь жить в хороших условиях. Только сделай, пожалуйста, мне проект благоустройства».

Именно здесь для меня снова проявилась важность исходной честности. Я приехал в поле как академический антрополог, но не скрывал и своей другой профессиональной позиции, поэтому внутри этого академического поля начали происходить самые разные вещи, в том числе прикладные. И они тоже становились частью исследования.

В этом смысле практики наблюдения и включенности могут принимать самые разные формы. Даже прикладной архитектурный проект благоустройства можно рассматривать как своего рода антропологическую провокацию — как эксперимент в духе архитектурной антропологии Тима Ингольда (*Ingold 2021*), который меняет поле и позволяет увидеть скрытые механизмы его устройства. Создавая такие ситуации, ты одновременно продолжаешь изучать поле академически.

Так, благодаря тому что у меня возник этот прикладной проект благоустройства внутри академического исследования, я понял, насколько важны для чукотского села любые каналы доступа к внешнему ресурсу. Любой приезжающий человек воспринимается там прежде всего как потенциальный поставщик ресурсов. При этом между прикладным и академическим проектом на уровне производства не было прямой связи. Но именно потому, что моя первичная лояльность оставалась лояльностью Академии, я смог сохранить внутреннюю цельность. Эта честность позволила мне, как говорится, «прой-

ти между струйками» — не предать себя и удержать ясность собственной позиции.

Виктория Михайлова: Отвечая на вопрос о том, каким должен быть идеальный антрополог для прикладного проекта, здесь, кажется, уже звучало про гибкость и адаптивность — дискурсивную и всякую разную.

Павел Куприянов: Неупертый антрополог.

Виктория Михайлова: Неупертый антрополог, да. Мне кажется, мы вряд ли придем к какому-то одному универсальному решению — к кодексу, в котором четко прописано, как именно нужно действовать. Есть, конечно, какие-то совсем красные линии, но в целом эта рамка достаточно широкая. И для каждого проекта ты вынужден каждый раз заново переизобретать эти линии для себя.

Поэтому, если говорить об идеальном антропологе для прикладного проекта, я бы сказала: гибкий — местами как гимнаст, местами как канатоходец, который пытается всем этим балансировать, а местами как жонглер.

Наталья Савина: Я не уверена, что для прикладного проекта нужен какой-то специальный антрополог, принципиально отличный от антрополога, работающего в академическом поле. Мне кажется, если у тебя как у профессионала есть исследовательские и этические принципы, в основе которых лежат гуманистические ценности, ты будешь руководствоваться ими и в академическом исследовании, и в прикладном проекте, и, скорее всего, в частной жизни.

Некоторая особенность, на мой взгляд, скорее в том, что в прикладном исследовании антрополог потенциально чаще оказывается в ситуации, где ему необходимо формулировать и прямо проговаривать свои профессиональные принципы, переводя их на язык, понятный другому: заказчику, в роли которого могут одновременно находиться несколько разных акторов; коллегам из других дисциплин, вместе с которыми нужно работать над проектом; информантам, которым необходимо объяснять, что это за исследование, зачем оно проводится и как будут использоваться его результаты. В академической среде, как кажется, у антрополога обычно меньше необходимости специально задумываться о собственных принципах и проговаривать их: когда находишься в профессиональном сообществе, возникает ощущение, что все и так понимают, почему важны вопросы этики и другие.

Кроме того, мне кажется, можно говорить о том, что прикладное исследование в целом требует от антрополога большей ответственности за сформулированные им идеи и предложения. Обычно заказчику нужны от исследователя вполне конкретные решения: какие сценарии использования территории заложить в проект, в каком направлении развивать культурную институцию, как сделать позиционирование проекта более успешным и т. д. В этом случае антрополог отвечает не только за качество исследования и корректность интерпретаций, но и, в некотором смысле, за то, как его выводы и рекомендации повлияют на проектные решения, а через них — на жизнь людей. Поэтому от него требуется умение хотя бы в какой-то степени прогнозировать, как именно и кем могут быть использованы результаты исследования.

Святослав Ковальский: Очевидно, что рыночные условия влияют на антропологическое знание — и влияют существеннейшим образом. Как конкретно — можно очень долго перечислять. И новых мыслей сложно высказать, потому что эта тема уже достаточно давно дебатруется. В контексте нынешнего разговора важно, что категории, которыми мы рассуждаем, нам даны рынком. Иногда они хорошо структурируют наше сознание, наше мышление, позволяют нам ставить задачи. Когда ты оказываешься в ситуации заказа, нередко ты способен породить более конкретное, осмысленное, направленное исследование, исследовательский проект и реализовать его, чем когда ты вольная птица в академическом мире. Но хочется сказать, что дело не в том, как замечателен рынок, а в том, каково положение дел в науке. И в первую очередь в плане организации. Мы очень рыхлая социальная структура. Мы даже не структура, если пользоваться этим функционалистским понятием. Рынок в этом отношении дает определенное чувство конкретности в том, что мы делаем, в наших действиях. И это может давать некоторое позитивное подкрепление, самоощущение, но мне кажется, что это лукавые чувства, и нужно сопротивляться, нужно бдеть, нужно рефлексировать, как раз-таки потому, что эти данные нам категории, они зачастую не безобидны по своим последствиям.

Очевидно, я в этом вижу проблему. Как я ее пытаюсь решить? Непросто дать ответ. Потому что, во-первых, я бы сказал, что нахожусь скорее на этапе осознания, чем на этапе проработки этой «травмы».

Наверное, для того чтобы решать эту проблему... невозможно это делать в одиночку, нужно это делать с кем-то, нужно делать это совместно, нужно выстраивать новые смыслы сообща. Наверное, в этом смысле любые мои индивидуальные попытки тщетны. Но когда я делаю что-то вместе с коллегами, возникает чувство полноты и ситуативной свободы — от этих душащих условий рынка.

П. Куприянов, В. Михайлова, М. Мочалова

Заключение

Как мы уже писали в начале, идея круглых столов возникла из представления, сформированного нашим собственным опытом, а также известным нам опытом коллег, о том, что для антрополога работа в прикладном проекте сопряжена с более или менее явным внутренним напряжением: структурным, методическим, этическим — между прикладной и академической сферой. Это напряжение казалось нам достаточно универсальным и общеразделяемым, чтобы сформулировать на его основе отдельные вопросы для общего обсуждения.

Однако обсуждение показало, что эта наша отправная точка не вполне верна. Там, где нам виделась некая профессиональная конвенция, обнаружилось поле для разночтений, сомнений и несогласий. Доклады и реплики на круглых столах продемонстрировали, что опыт прикладных исследований у участников секции довольно сильно различается (не только количественно,

но и качественно), и общую платформу, на которой можно было бы обсуждать проблемные вопросы, очевидно, еще только предстоит создать. Пока же это поле слишком рыхло и разнородно, имеющийся опыт с трудом поддается обобщению, и дискуссия то и дело «пробуксовывала», увязая то в обсуждении базовых понятий, то в описании конкретных кейсов. Между тем сам факт несостоявшегося консенсуса является, на наш взгляд, показательным и полезным результатом разговора, а сама дискуссия позволяет сделать ряд наблюдений.

Прежде всего в ходе обсуждения стало хорошо видно, насколько прикладные исследования в антропологии разнообразны. Они различаются не только темой или масштабом, но и исследовательскими задачами, и тем местом, которое в проекте отводится собственно исследованию, и ожидаемыми от него результатами. Под зонтичное понятие прикладных исследований попадают и те, что связаны с развитием территорий и городским благоустройством, и музейные проекты, и этнологическая экспертиза — и во всех этих разных случаях антропология оказывается востребована в разной степени и в разном качестве: где-то как авторитетное, экспертное знание о предмете (месте, культуре, людях), а где-то — как инструмент, метод, технология, позволяющая получить необходимую информацию. Условно говоря, одному заказчику важно знать социальный и культурный контекст для осуществления каких-то действий (строительства жилого комплекса, развития социокультурного проекта, закрытия горно-обогатительного комбината), а другому — понимать, как правильно представить или показать народ, город, район, группу. Очевидно, что в разных случаях вопросы о методах, этике и общем дизайне исследования формулируются и решаются по-разному — соответственно, для продуктивного обсуждения требуется их более тонкая калибровка, а попытка генерализации встречает сопротивление.

Нельзя не признать, что эта реакция довольно естественна и предсказуема для аудитории, приверженной антропологическому подходу, предполагающему контекстуализацию, внимание к деталям, прочную эмпирическую укорененность и с осторожностью относящемуся к обобщениям. В этом смысле можно сказать, что дискуссия отразила запрос на антропологизацию заявленной темы и, шире, — на антропологию прикладной антропологии.

Очевидно, этим объясняется громко звучавшая на круглых столах критика используемых понятий и категорий, вскрывающая их нерелевантность для анализа конкретных ситуаций «на земле» (столь привычная для антропологических текстов), а также последовательное усложнение озвучиваемых тезисов — обсуждение той или иной темы часто развивалось от каких-то положительных утверждений (о важности антропологической миссии в прикладных проектах, об удручающих капиталистических условиях, ограничивающих исследователя) к сомнениям и деталям, уточняющим и усложняющим исходные высказывания.

Именно это можно наблюдать в обсуждении конвенциональной этической установки, предписывающей антропологу выступать на стороне исследуемого сообщества, отстаивать его интересы перед другими акторами. Внятно и убедительно артикулированная в дискуссии Натальей Савиной, эта позиция была дополнена замечаниями, что реальные ситуации не всегда укладываются

в схему, где горожане, местные жители или коренные народы (то есть объекты нашего исследовательского интереса и потенциальной заботы и защиты) противостоят государству или бизнесу, и, стало быть, этическая позиция антрополога не всегда так очевидна.

Опыт разных участников, изложенный в выступлениях на секции и на круглых столах, показывает, что в каждом конкретном случае эта этическая максима понимается и интерпретируется по-своему, а круг «интересов общества», подлежащий защите и отстаиванию перед заказчиком, формируется исследователем. Это хорошо видно на примере выставочного проекта Музея Москвы «Москва без окраин», авторы которого, уверенно и искренне отстаивающие перед музеем позицию, мнение и голос своих информантов, одновременно категорически отказывают последним в праве транслировать собственную воображаемую структуру городского пространства, жестко выдерживая «районную» рамку, заданную логикой проекта.

Этот пример также наглядно показывает, что обсуждаемое влияние антрополога на проект (через отстаивание тех или иных интересов) дополняется встречным влиянием проекта на антрополога. Как справедливо заметил Иван Сапогов, исследователь, включаясь в прикладной проект, принимает ту категоризацию, те базовые установки и модель социального мира, которые в этом проекте содержатся. Если проект «мыслит» районами, сообществами, народами, то и антрополог будет мыслить так. И это наблюдение позволяет подойти к проблеме используемых категорий и понятий с иной стороны, задавшись вопросом о том, в каких случаях исследователь может (и должен) предлагать и задавать «свой» понятийный аппарат в прикладном исследовании, а в каких — действовать в предлагаемых обстоятельствах.

Воздействие проекта на антрополога имеет еще один важный аспект, который в состоявшейся дискуссии был затронут, но не получил развития. Это вопрос об *экспертности* — не как о свойстве («есть диплом — есть экспертность»), а как о позиции, которая каждый раз заново легитимируется в конкретной ситуации. Без этого пропущенного уровня разговор о профессиональной этике нам представляется неполным.

В разговоре не раз обсуждалась возможность антрополога встать на чью-либо сторону — «обездоленных», заказчика, академии. Однако сама эта возможность предполагает, что у исследователя уже есть некий вес, некая сила, позволяющая эту сторону выбрать. И ситуация заказа не просто дает ему деньги и сроки — она назначает его тем, кто вправе говорить и производить знание. Вне этой ситуации он может считаться (и считать себя) «бесполезным» (как признается Алевтина Бородулина) — сидящим высоко в башне из слоновой кости, далеком от «земных», читай «прикладных», проблем. Заказ же переворачивает эту оценку и наделяет ученого вполне определенной, практически нужной ролью *эксперта* — по народу, по району, по сообществу, по практикам.

«Честность с самим собой», о которой говорит Гавриил Малышев и к которой все мы так или иначе стремимся, задает внутренний ориентир, но не объясняет, почему в разных ситуациях исследователь вообще оказывается в «комнате принятия решений» и почему его описание иной раз перевешивает слова краеведа, активиста или чиновника, пришедших говорить не менее честно.

В проектах про наследие это особенно заметно: вокруг одного объекта всегда несколько претендентов на авторитетное слово, и в контексте нашей дискуссии вопрос здесь не в том, кто из них прав, а в том, как одни голоса начинают весить больше других и как влияет на ситуацию само присутствие исследователя. Именно в этой перспективе прикладной опыт и позволяет исследователю увидеть себя иначе: не как носителя единственно верного знания или метода, а как того, чья экспертность — это каждый раз заново разыгрываемая позиция.

Неожиданным результатом нашей попытки систематизировать материалы дискуссии стало то, что вместо общих закономерностей работы антрополога в прикладном проекте мы обнаружили набор практических приемов. Высказывания участников — при всем разнообразии контекстов и позиций — описывали не столько рассуждения о природе прикладной работы, сколько способы существования внутри различных структур: проекта и его сроков, рынка и логики заказа, академических ожиданий, собственных представлений о профессиональной миссии. Каждое рассуждение, в конечном счете, оказывалось ответом на вопрос: как я справляюсь с этим давлением — и как объясняю себе и другим, что именно я делаю. Неслучайно в ходе дискуссии возникла полущуточная идея составления «каталога приемов», с помощью которых антропологи удерживаются на канате, балансируя между разными обязательствами. Если единого языка для разговора о прикладной работе пока нет, то общим знаменателем может стать именно это — коллективно описанный опыт маневрирования: не как готовые рецепты, но как точки пересечения, вокруг которых возможен дальнейший разговор.

Выработка этого общего языка, однако, упирается в вопрос, который дискуссия так и не разрешила, но к которому постоянно обращалась, — где проходит граница между прикладным и академическим исследованием. Разговор о прикладной работе то и дело сводился к разговору об академическом — о мотивах и смысле научной деятельности, о специфике антропологических методов, о характере академического сообщества и о том, что такое исследование, а что — лишь сбор материала. Это смещение фокуса само по себе показательно — оно проблематизирует «естественную» границу между двумя сферами и выводит на общие проблемы антропологии — этические, методологические, теоретические и социальные. Между ними обнаруживается много нейтральных, общих и не размежеванных территорий (как, например, рыночный фактор), хотя есть и другие зоны с более четко прочерченными границами (например, разделяющими академическую сложность, прикладную ясность и простоту).

Критика «неидеального» прикладного антрополога, якобы жертвующего академической строгостью ради заказа, опирается на молчаливое допущение о существовании некоего «чистого» исследования, свободного от внешних структур. Однако если определяющим признаком прикладного исследования считать наличие заказа, то академическая наука, выполняющая государственные задания и во многом существующая на государственные гранты, тоже окажется «прикладной» — а внутри этих структур существуют те же этические дилеммы, этими структурами и обусловленные. «Прикладное» оказывается не устойчивой категорией или форматом, а качеством, в той или иной степени присущим любому исследованию.

Это наблюдение меняет и то, как мы смотрим на ограничения прикладной работы. Если граница между сферами не абсолютна, то и сами ограниче-

ния — сроки, заданный формат, конкретный адресат — перестают выглядеть исключительно как дефекты прикладного исследования по сравнению с академическим. Их можно расценивать двояко: с одной стороны, как препятствия для полноценного исследования (из-за ограниченного срока, упрощенного дизайна исследования и формата результатов, из-за этических осложнений), с другой — как условия, благодаря которым у антропологического исследования появляется шанс не только стать более предметным и фокусированным и быть завершенным в определенный срок, но и произвести реальный социальный эффект, принести практическую пользу. Более того, как было отмечено в дискуссии, прикладные исследования в силу этих самых ограничений зачастую требуют от антрополога более интенсивной методической рефлексии и более осознанного отношения к принципам исследования — того, что в академической работе может оставаться имплицитным.

Наконец, в дискуссии обозначились и два принципиально разных способа мыслить соотношение академического и прикладного — и две соответствующие стратегии действий. Один состоит в утверждении их онтологической разницы: это разные миры, в которых условия и правила существования исследователя существенно различаются, и, вступая в то или иное пространство, антрополог принимает соответствующие правила, что освобождает его от моральных и эпистемологических терзаний, поскольку два пространства находятся в разных плоскостях и существуют по разным законам. Другой взгляд видит академическое и прикладное как две части одного целого, существующие внутри одной рамки, что неизбежно порождает вопросы об их соотношении, о сохранении профессиональной идентичности при перемещении из одной области в другую и об оптимальной стратегии: от последовательного отстаивания академического этоса и габитуса до ситуативного балансирования и поиска компромисса. Ни одна из этих позиций не была признана единственно верной — и, пожалуй, сама эта невозможность однозначного выбора точнее всего описывает положение, в котором находится сегодня прикладной антрополог.

Все это вместе взятое делает центральный вопрос секции — о том, кто такой (не)идеальный антрополог — если не некорректным, то, по меньшей мере, преждевременным. Организуя секцию, мы исходили из допущения, что образ идеального антрополога — пусть размытый и неартикулированный — существует как некая разделяемая профессиональная интуиция. Дискуссия это допущение не подтвердила — никому так и не удалось этот образ сформулировать. Участники предлагали разные характеристики: гибкость и адаптивность, онтологическую честность, умение удерживать исследовательскую рамку под давлением заказа, готовность занять сторону сообщества. Но ни один из этих образов не стал общим, а некоторые прямо противоречили друг другу. Стоит признать, что идеал всегда чей-то: любой образ «правильного» исследователя удерживается какой-то структурой — академической, рыночной, государственной, активистской. И пока не задан вопрос, какая именно структура легитимирует исследователя для него самого и для окружающих, разговор об идеале остается разговором о своих и чужих предпочтениях, принимаемых за универсальные. Публикуемые материалы, таким образом, не дают ответа на вопрос об идеале — они документируют момент, когда сам вопрос был поставлен под сомнение. И это, пожалуй, более честная и более продуктивная позиция: не предъявлять идеал, а зафиксировать условия, при которых его формулирование когда-нибудь станет возможным.

Литература

Басов А. С., Бородулина А. С., Куприянов П. С., Михайлова В. С. Прикладная антропология на Борнео. Интервью с авторами // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 2. С. 67–95, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/67-95>;

Ingold T. Foreword // Stender M., Bech-Danielson C., Hagen A. L. (ed.). Architectural anthropology: exploring lived space. Routledge. 2021. P. 13–17.

Interview

Basov A.S, Borodulina A.S, Zhurakovskaya P.B, Kovalevsky S.O, Kupriyanov P.S, Malyshev G.N, Martynenko A.A, Mikhailova V.S, Mochalova M.A, Savina N.A, Sadova E.S, Sakirko M.A., Sapogov I.A. (Ne)ideal'nyi antropolog v prikladnom issledovanii: materialy diskussii [(Not)Ideal Anthropologist in Applied Research: discussion materials] Anthropologies, 2026, no 1, pp. 75–100, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2026-1/75-100>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Basov A. S. | a.basov@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0003-3518-1852>

Junior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Borodulina A. S. | alevtina.ethno@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0001-5349-2940>
| Consultant at Aquamarine Projects, social anthropologist, independent curator.

Zhurakovskaya P. B. | P.zhurakovskaya@mosmuseum.ru | <https://orcid.org/0009-0003-4949-6385> | Curator, Senior Research Fellow at the Museum of Moscow.

Kovalevsky S.O | sokovalsky@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0001-8967-2644> | Junior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Kupriyanov P. S. | kupriyanov-ps@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159>
| Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Malyshev G. N. | g.malyshev@eu.spb.ru | <https://orcid.org/0009-0009-8808-9938>
| Postgraduate student of the Faculty of Anthropology of the European University in St. Petersburg.

Martynenko A. A. | amartynenko@eu.spb.ru | <https://orcid.org/0000-0001-8561-3006>
| Junior Researcher in the sector of family sociology, gender and sexual relations of the Sociological Institute (RAS) — a branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Mikhailova V. S. | mikhailova.vikt@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-5634-0480> | Postgraduate student, Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Mochalova M. A. | Masha.mochalova@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0003-2702-737X> | Junior Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology (RAS).

Savina N. A. | nsavina@eu.spb.ru | <https://orcid.org/0000-0001-7517-8899> | Master of Anthropology and Ethnology, Junior Researcher at the School of Arts and Cultural Heritage of the European University in St. Petersburg.

Sadova E. S. | sadovacath@gmail.com | <https://orcid.org/0009-0000-6511-6053> | Master of Sociology (University of Paris-Saclay), Master of History (Lomonosov Moscow State University), independent researcher.

Sakirko M. A. | mariasakirko@gmail.com | <https://orcid.org/0009-0002-0189-6729> | PhD in Social Anthropology, Senior Research Fellow at the Museum of Moscow.

Sapogov I. A. | sapogovivan@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-9953-3303> | Bachelor of Anthropology and Ethnology, independent researcher.

Abstract

The paper contains the materials of the discussion held at the section «(Not)Ideal Anthropologist in Applied Research: Dilemmas, Expectations, and Responsibility» of the Conference of Young Scientists (December 3–5, IEA RAS, Moscow). The participants of the section discuss issues related to the professional identity of an anthropologist in applied research, which often forces the researcher to balance between conflicting ethical obligations, methodological standards, and pragmatic limitations. The discussion demonstrates the diversity and complexity of the applied field in modern Russian anthropology, the lack of consensus on the issues discussed, and detects the most problematic aspects of the topic. The published materials are accompanied by an introduction and conclusion from the organizers of the section, which describe the context and summarize the discussion.

Keywords: applied anthropology, professional identity, methods of anthropological research, ethics of field research, social responsibility of an anthropologist, expertise.

References

- Basov A. S., Borodulina A. S., Kupriyanov P. S., Mikhailova V. S. 2025. Prikladnaia antropologiiia na Borneo. Interviu s avtorami [Applied anthropology in Borneo. Interviews with the authors]. In *Antropologii*, 2, 67–95. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/67-95>.
- Ingold T. 2021. Foreword // Stender M., Bech-Danielson C., Hagen A. L. (ed.). In *Architectural anthropology: exploring lived space*, 13–17.

